

В ПОИСКАХ ИСТИНЫ

Рассказы
Выпуск 8

Крафтовый литературный журнал «Рассказы»

Елена Маючая

Рассказы 8. В поисках истины

«Крафтовая литература»

2020

Маючая Е.

Рассказы 8. В поисках истины / Е. Маючая — «Крафтовая литература», 2020 — (Крафтовый литературный журнал «Рассказы»)

ISBN 978-5-532-04891-1

Весь диапазон жанров от классического фэнтези до научной фантастики в сборнике рассказов «В поисках истины». Истории, отобранные редакторским коллективом и получившие наивысшие оценки читательской фокус-группы. Книга для меломанов литературы и любителей фантастики всех направлений.

ISBN 978-5-532-04891-1

© Маючая Е., 2020

© Крафтовая литература, 2020

Содержание

Елена Маючая	6
Андрей Волковский	15
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Рассказы 8. В поисках истины

Авторы: Елена Маючая, Андрей Волковский, Артем Кельманов, Антон Седнин, Артем Белов

Иллюстрации и обложка: Fgabel

Составитель: Максим Суворов

Корректор: Дина Рубанёнок

Крафтовый литературный журнал «Рассказы» – это уникальный проект, в котором истории русскоязычных авторов обрамлены рисунками современных диджитал художников. Сами рассказы отбираются редакторским коллективом наравне с таргет-группой, состоящей из читателей журнала. Таким образом достигается максимальные качество и уровень работ.

Крафтовая литература, 2020

Елена Маючая Город, который есть

Я вышла из дома 12 ноября, в понедельник, в 7:30. На маршрутке № 44 ехать около пятнадцати минут, потом пешком наискосок через пустырь. Дальше лесок. Я всегда любила пройтись перед работой. Ноябрь стоял сухой и теплый, птицы никак не хотели улетать, ведь обратно так долго возвращаться. А можно и вовсе не вернуться. Но уже 13-го начался снегопад. И появился другой город...

Я – чушпанка

Каява нашел меня на остановке 44-й маршрутки. Я была абсолютно голая, грязная и отчаянно защищалась. Привел в чувство ударом в ухо, потряс за плечи, сказал:

– Молодец, чушпанка! Повоюем еще, повоюем. Капитан Каява. Снимай сережки. Снимай! Это приказ, чушпанка!

Сам снял их и гаркнул: «Сидеть и ждать». Я сидела и ждала, почему-то поняла – так надо. И было не холодно, жарко. Я вышла из дома ноябрьским утром, а очнулась на знакомой остановке летним вечером. Город, прежде шуршащий тысячами шин, торопящийся быстрыми шагами, теперь онемел. Я вслушивалась в город, но слышала лишь его молчание. Я щипала свои руки, била себя по щекам и чувствовала боль...

Каява вернулся с моими вещами. С теми, в которых я уехала на работу.

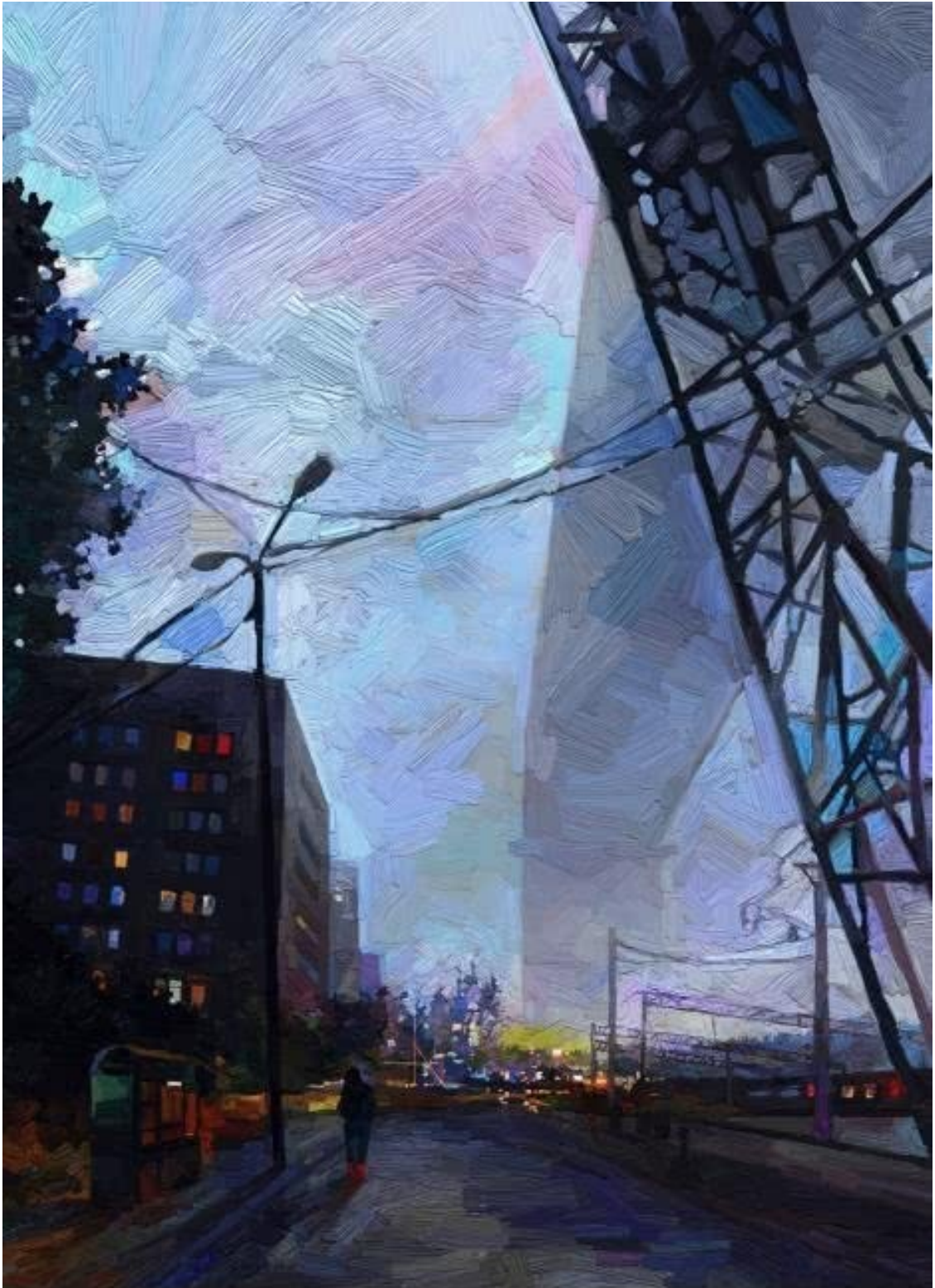
– Как новые! Ни пятнышка! Надевай, чушпанка, – закурил сигарету и отвернулся. – Сапоги не нашел. Ботинки свои принес. Завтра почистишь и вернешь. Хорошие сапоги были?

– Красные, кожаные, – ответила я, марая грязными руками любимую белую блузку.

– Сколько их было? – помогая зашнуровать 41-й размер на ногах 37-го, спросил Каява.

– Как сколько? – удивилась я. – Конечно, два. Пара сапог.

Каява потрепал меня по голове. Или же отвесил несколько подзатыльников (даже спустя несколько месяцев я не смогла разобраться в капитанских нежностях).

– Дерьмо вопрос, чушпанка! Вот когда вспомнишь сколько, тогда отдам твои перламутры и потопаешь отсюда, не оглядываясь. Теперь домой марш! – приказал Каява. – Ты чем завтракала?

– Не перламутры, а жемчуг. Натуральный! Сосиски и яичница, кофе и торт, со вчерашнего дня, бутерброд еще с сыром...

– То-то ты такая жирная, – заржал Каява, потом кашлянул. – Ну не жирная, пухлая.

Идти недалеко. Третий дом от дороги, пустой равносторонний квадрат двора, шестой подъезд, пятый этаж. Но плелись мы медленно. Каява сказал, что после контузии тоже ходил как заторможенный баклан, или как я. По пути никто не попался. Только ветер рылся в пакете, вытащенном из урны. Дверь была распахнута, на дерматине свежий отпечаток армейских ботинок, замок подавился металлической начинкой, так и умер с высунутым языком.

– У нас не воруют, – объяснил Каява. – Завтра в шесть ноль-ноль приду. Оставь сосиску и бутер с сыром. Это приказ. Сегодня мыться, спать, ни о чем не думать. Это приказ! – и ушел.

Я смывала с себя ноябрь и боялась смотреть вниз, боялась вдохнуть запах темной и липкой воды, что марала ванну. После я сохла. И ноябрьская сырость отступила.

Телевизор что-то прятал за серой бесконечной рябью. Телефон вместо гудков выдохнул тишину. Радио не могло понять, на какой я частоте.

Я ждала, что город очнется. Я открыла форточки, чтобы город сумерничал со мной на кухне. Я разглядывала его, а он смотрел на меня остекленевшим взглядом окон без света.

Помню, что хотелось разгадать черный квадрат двора, но я чушпанка, и я уснула. Снилось то, чего в жизни никогда не бывает. А в шесть ноль-ноль утро голосом капитана Каявы заорало: «Подъем! Серьги снять и сдать!»

Елочки-иглочки

Главное – маскировка. Так говорил и говорит Каява. У меня нет повода ему не верить. Каждое утро я отдаю свои сережки. Не задаю вопросов. Просто выполняю команду: «Серьги снять!», делю с ним завтрак, надеваю вещи, которые не рвутся и не старятся, всегда чистые лежат аккуратной стопкой в шкафу, а потом иду знакомым путем через пустырь в лесок.

Между двух сосен и березой вечно повторяющийся хаос. Листья разлетелись, а на месте ровно, ряд за рядом выложенных иголок проглядывает желтая песчаная плешь. Я с микрохирургической точностью штопаю землю: иголочка к иголочке, сверху слой прошлогодних, а может, уже безвременных листьев, снова иголочка к иголочке, березовый прах, притоптать, опять хвойная накидка, только теперь ползаю, собираю свежие, еще зеленые... Это мой благодарный труд. И я буду вставать каждый день в шесть утра, сдавать демаскирующие сережки, идти в лес, выкладывать из елочек-иглочек суть своего нынешнего существования. Иначе оно прервется ответом на вопрос о красных сапогах: «Сколько их было?». Пара – неверно.

Маскировка у каждого своя. У меня елочки-иглочки. Кто-то разглаживает землю, замечает свой путь в город. Кто-то вяжет крепкие узлы, чтобы лежать на дне одного и того же дня. Кто-то сжигает паспорт, чтобы сгорели все мосты...

Наши вещи каждый день перекачывают в планшет Каявы. Сережки, время с гравировкой, очки с дужкой, отремонтированной синей изоляцией, Иисус, припаянный к серебряному кресту, блокнотный лист с цифровыми кодами реальности... Большинство однажды получит свои вещи навсегда. А кому-то и сдать нечего.

Сейчас нас около тридцати человек. Тридцать не константа. Постоянных здесь двое: Каява и чужая бабушка. Капитану маскировка не требуется.

Я же буду выкладывать из елочек-иглочек идеальный орнамент, буду решать головоломку про красные сапоги, буду каждое утро снимать сережки. А иначе никак.

Чужая бабушка

Имя ее потерялось. То ли скатилось по ступеням и забило в аммиачную темноту под лестницу. То ли осталось запертым в ячейке для хранения в супермаркете вместе с холщовой сумкой. То ли его склевали голуби вперемешку с крошками, которые она бросила в сквере. Имя потерялось, здесь ее все называют «чужая бабушка». Кроме Каявы. После вечерней фляжки для капитана она «старая чушпанка».

По утрам бабушка отдает Каяве клочок бумаги. На нем ее имя и фамилия, ненадежно написанные графитом, уже превратившиеся в серую дымку, и телефон подруги Екатерины. За упокой которой ели рис с изюмом и нахваливали пироги с рыбой лет пять тому назад. А других подруг не было. Родни тоже. Хотя, может, были. Может, даже есть! Но она не помнит.

Ее дом – привокзальная площадь. Она лежит на ступенях и раскачивается в такт поездов, которых теперь нет. В карманах ветхого клетчатого пальто и завтрак, и обед, и ужин – горсть крошек.

– Вку-у-усные, – рассасывая их, говорит чужая бабушка.

В драповых клетках уместилась вся жизнь – крестик, нолик, крестик, нолик, крестик, нолик. Ничья. Она так давно ничья. И клетки не греют даже летом.

Горожане приносят сыр, печенье, оладушки. Чужая бабушка превращает дары в труху и сыпает в карманы. Ее память помнит лишь привычки. Она вяжет, скрестив две рябиновые веточки, бесконечный шарф из теплого ветра: лицевая, две с накидом, лицевая, две с накидом... Она встает раньше солнца, у нее так много дел. Но каких?

Некоторые из нас пытались сделать чужую бабушку своей. Усадить на кухне, налить ей чай в самую красивую чашку, смотать в клубок какой-нибудь джемпер, положить на колени – пусть свяжет настоящий шарф. Но каждую ночь город возвращает ее на вокзал, постилает бетонные ступени, накрывает покрывалом – черным в лущеный горох звезд, и в глазах ее подмигивают друг другу привокзальные огни.

Как ей вспомнить, если ее саму забыли? Каява в городе появился еще раньше.

О чем молчит город

Выход из города есть. Один. Чтобы уйти навсегда. Но когда город зазвонит в колокол именно по тебе – неизвестно. И пока надо складывать елочки-иглолочки, надо завтракать одним и тем же и засыпать летним вечером. Ходить, ходить, ходить по городскому кругу и считать красные сапоги. Сережек точно две, а с сапогами просто беда.

Город молчит птичьими голосами, кошачьим ором, собачьим лаем, джазом автомобильных гудков... Есть только люди и городской котел, в котором мы варимся. Кто-то всего пару дней, у кого-то кожа и мясо уже отделились от костей, кто-то пригорел ко дну, как чужая бабушка, как Каява. Город помешивает нас по ночам огромным половником, снимает пену с беспокойных новеньких, подсаливает прошлым, сдабривает снами, которые пахнут, как лаврушка в мамином борще.

Город не выдает секреты. Я никогда не узнаю, почему каждый день в холодильнике одни и те же свежие продукты, в шкафу одни и те же чистые вещи, за окном одна и та же погода, и один тот же вопрос-считалочка: сколько сапог? Раз, два, раз, два, раз, два...

Город молчит даже о своем нынешнем имени. Он близнец того, в котором мы спешили на работу, впервые пробовали курить на школьных стадионах, покупали червей в яблоках, обменивались друг с другом этими червями, рождались, росли, старились, страдали от пяточной шпоры или от несчастной любви, пока не попали сюда. Он точная копия на уровне каждого кирпичика, каждой скамеечки, каждой выбоины в асфальте. Он близнец. Но ведь у близнецов разные имена.

Каява говорит, что наш город не один, городов множество. Деревень и поселков тоже. И попасть в них никак нельзя, это непреложный закон.

Коля

Коля – маленький песочный человечек. И не только потому, что весь его мирок сосредоточен возле песочницы. У него и волосы цвета Сахары, нарисованной в атласе, и россыпь золотистых крупниц на переносице и щеках, и взгляд голубых глазенок – чистый, без облачка, как

небо над пустыней. А еще он шуршит: шук, шарко, шаба, швачка. Коле четыре года. Хорошо, что он живет недалеко от меня.

Перед еловой повинностью заношу Коле сосиску и кусок торта, вторая и бутерброд с сыром – для Каявы. У Коли на завтрак молоко с пенкой, выпивает полкружки. А потом надо быстро надевать шорты, иногда задом наперед (когда сильно торопишься, можно и задом наперед), футболку (в голубом море кто-то бросил синий якорь), сандалики на липучках (можно быстро снять и высыпать из них маленькие горки). В руках лопатка и красный «Камаз», чтобы копать, грузить и везти в другую песочницу. В ту, которую не видно из окон его квартиры. В ту, от которой тянутся длинные свежие шрамы от тяжелой машины, но не от его, игрушечной. Коля больше не роет «карьер», некогда. Надо разгладить лопаткой шрамы, надо стереть следы от мужских кроссовок, и свои тоже. А потом, чтобы окончательно замаскироваться, надо сдать до следующего утра любимый «Камаз» строгому Каяве. Лишь тогда можно взбежать на третий этаж, не разуваясь влететь на кухню – ругать-то некому – и допить молоко, сладко втянув жирную пенку.

Иногда Коля спрашивает, где Муська, у которой были блохи, полосы, как у тигра, и коробка с котятами между первым и вторым этажами. Я отвечаю, что котята выросли, и теперь Муська гуляет сама по себе. А заодно говорю, что собаки охраняют дальние поля, очень-очень дальние поля, птахи сбились с пути и чирикают на других просторах, жуки съели муравьев, мыши съели жуков и теперь спят в глубоких, очень глубоких норах. Коля слушает не мигая, а потом спрашивает «что значит „дрочить“» или «почему я чушпанчик». Его мужским воспитанием занимается Каява.

Благодаря мне Коля не боится темного, пахнущего пылью кого-то, живущего за шкафом в углу, не ковыряет в носу, не отдирает чесучую болячку на коленке. Я перечитала ему все сказки, что стоят на полке в его комнате, а когда те закончились, вспомнила другие, что родом из собственного детства. А когда и они рассказали по много раз, придумала свои чудесные истории: про пухлую принцессу в красных сапожках, про бабушку, которая вяжет шарфы для внуков-невидимок, про заколдованного мальчика из песочного замка... И, наверное, поверила в них намного больше, чем Колька.

Куда с большим удовольствием Коля слушает сказки Каявы: про то, как не заспать во время первой атаки, про то, что нельзя бриться, мыться, менять белье перед боем, иначе убьют, про ценность последней пули... Капитан отхлебывает из фляжки, Коля танцует дикарский танец, в руках граната-камень, замирает, размахивается и бросает со всей детской силежки в танк – мусорный бак. Иногда гранаты не долетают, но чаще попадают в цель, и танк издает пустое злобное бумканье.

Завтрак с меня, ужин с Каявы. У него такой вкусный подсохший хлеб, разломишь на три куса, и из булки вылетает запах – легкий, хмельной, абсолютно невоенный. Тушенки три банки – на каждого. Но надо есть с одной, передавая по цепочке, подцепив штык-ножом аппетитный кусок.

– Вилками жрать дома будете! – голос у Каявы забористый, сорокаградусный.

По кругу идет вторая банка, потом третья. Пустая фляга валяется на траве. Каява травит пошлые анекдоты и травит нас дымом дешевых сигарет. И лишь когда луна выглянет с левого фланга панельных девятиэтажек, пожелает спокойной ночи:

– Отбой, чушпаны! По казармам разоитесь! – и, поправив афганку с сорванными четырьмя звездами, засунет штык-нож за ремень, в ножны, с левой стороны, и, чуть шатаясь, пойдет к себе.

Река, камни и узлы

Река точит камни. Камни разрезают узлы. Саня закатывает плоский валун на обрыв, чтобы обвязать веревкой и бросить вниз. Остаются только круги на воде. На самом деле его

зовут Санибек, он второй сын в семье, последний сын. Капитан Каява не изменяет себе, Санибек для него «последний чушпан». А для остальных просто Саня.

В город попал позже меня, по старому календарю примерно в апреле, а по новому у нас вечно лето. Я считаю красные сапоги, Саня долги. Математика не его конек, и он никак не может назвать нужную сумму, чтобы вычеркнуть имена из длинного списка кредиторов. Он работает в ночную смену над своей правильной суммой. Над ним плоская и холодная, как камень, луна, а по реке бегут круги...

По одному к нему в гости ходить запрещено. Это приказ Каявы. Но я потихоньку его нарушаю.

– Очень подозрительный, хоть и последний чушпан. Понимаешь, чушпан, который не пьет, не вызывает доверия. Да и что у него делать? Конину жрать? Питаться лошадьё разрешено лишь в случае полного отсутствия продовольствия. Поняла? (Я киваю). Не-е-ет, не поняла, товарищ чушпанка. Думаешь, не чую, как от тебя бешбармаком несет? Ты же и так жирная. Гм, пухлая...

Лошадь в бешбармаке пахучая, сочная, мягкая и долго отпрыгается густо, сытно. Чтобы не отпрыгивалось, лошадь надо умаслить чаем со сливками и забросать баурсаками. В баурсаках пружинки из дрожжей, сожмешь в пальцах, отпустишь, снова расправится. На стене красные шерстяные узоры, на полу зеленые, на столе тюбетейка. Саня не носит ее, говорит, это просто подарок деда. И еще, что бабушка хотела женить его на Нургуль, а он сам хотел жениться на Тане. С круглой суммой и с Таней можно было бы начать жить по-новому, кажется ему. Но у него теперь иные будни и заботы. Тани в городе нет.

Саня упрямый, не такой, как мы. В первые ночи не хотел делать узлы, не хотел играть в речную игру. Каява сбрасывал его вниз со словами «дерьмо не тонет». Каяве нельзя грубить, нельзя жить не по уставу. Каява знает ответы на все наши «сколько и почему», но молчит. Каждый сам должен ответить, когда будет готов. А еще у Каявы тяжелая рука. И поначалу новенькие ходят потрепанные, взъерошенные, с ожогами от капитанской пятерни на потерянных лицах.

Я люблю сидеть на берегу и смотреть на реку, которая постоянно движется в одном направлении. У реки все просто: она знает, как началась, и знает, как закончится. А я знаю лишь о начале. По моим волнам не пустишь даже бумажный кораблик, меня можно перейти вброд – я мелкая, вровень с красными сапогами. И вообще-то слабая. А Саня сильный.

Через три месяца город отпустит его. Накануне Саня попросил меня больше не приходить к нему, не отвлекать, и сказал на прощанье «бывай». Вместо суммы появилась разность, Саня вычел из города себя. Теперь он никому ничего не должен. Камни вернутся на свои места, круги растворятся в воде. А я продолжаю каждое утро снимать сережки.

Паспорт Риты

Я видела ее всего пару раз. И надеюсь, что больше не увижу. Рита немного старше, но у нее старушечьи глаза: впавшие, с желтоватыми белками, в которых плавают застывшие зрачки, и веки сине-черные, как от наколок. Рядом с ней мне стыдно за «пухлость». Рита мелкая, худая, похожа даже не на чахлое дерево, а на неприжившийся кустарник, которому ветер искривил ствол влево. Руки – веточки с тонкими прутиками, суставы похожи на побитые морозом почки, жилы точат короеды... И вены неживые, похожие на темные русла грязных городских ручьев. Здесь она добровольно.

Каява вроде бы презирает Риту. Тогда почему после встреч с ней говорит: «Она сделала правильный выбор» или «Не каждый способен победить самого себя»?

Город отгородил ее от нас двумя мостами, промзоной, частным сектором с пустыми глазницами землянок, облупленными заборами, калитками, поющими однопетельно, ржаво, зауспокойно. Ее домом с крышей, поехавшей по диагонали, город и заканчивается. Хотя это и

не Ритин дом вовсе, просто она его выбрала, а город позволил. Когда-то Рита жила в центре, в квартире, где светло и просторно, вместе со светловолосыми мужем и сыном и просторным вширь котом.

– Хорошо жила, – рассказала мне Рита. – Но очень скучно. Мне всегда было скучно, с детства. Сначала, конечно, всю эту семейную тягомотину пробовала заливать алкашкой. Выпила, проблевалась, похмелилась, заснула. Быстро надоело. Нашла чем заменить синь, мужа, сына. Они заменили меня другой мамой. Все верно, семья не терпит пустот. Неужели ты никогда не хотела заглянуть «за»?

Я говорю – мне и обернуться-то пока страшно.

– А я очень хотела. Но ведь этот город не окончательное «за»? Когда вернуться на старт, да что там на старт, даже просто остановиться нельзя, хоть на неделю, хоть на пару дней, тогда остается одно – разогнаться по полной. Для «за» не хватило пол-ляпки, барыга ссука...

Она не понимает, что хватило.

У Риты на завтрак, обед и ужин «кола», она не соблазняется нашей едой, отмахивается – отвали, нет аппетита. К газировке ежедневно положен граммовый десерт. Только Каява может выдержать процесс приготовления в ложке. А меня тошнит, выворачивает наизнанку, и слова отца бьются, бьются в висках: «Никогда, слышишь, никогда, нельзя, нельзя...».

Каява говорит, что ее «за» воняет выгребной ямой, в которой горизонт ограничен бетонными кольцами. А свое «до» она сжигает сама, он здесь ни при чем. Рита плавит свое лицо зажигалкой, уничтожает даты, имена, и они улетают прочь маленькими красными мотыльками.

– Пока есть паспорт, есть надежда, – объясняет Каява. – И у заброшенных домов иногда появляются новые хозяева, и выгребные ямы чистят.

Но Риту это не волнует. Она хочет только заглянуть «за». Добровольно.

Для Каявы она не чушпанка. Единственная. Он никак ее не называет. Просто «ты». Как будто она не заслужила даже «чушпанки».

Я тебя знаю

Так необычно здесь встретить кого-то из того, другого города. Еще страннее тут разглядеть его по-настоящему, наблюдая из-за бетонных углов и кустов шиповника. И вспоминать, как однажды залепил мне в лицо футбольным мячом, как споткнулся об меня на лестнице, как попросил займы, чтобы сводить в кафе самую худую и от того самую красивую девочку в школе, а деньги не отдал – и ведь не подавились! Давно это было, с той поры у него расперло бицепсы, а у меня все остальное. Он сильно похорошел, я сильно раздобрела. И теперь подойти и сказать такие редкие здесь слова ох как непросто. Но очень хочется, вдруг ответит «я тебя тоже».

Он – Никита. Сдает капитану Каяве цепного бога и заколачивает дверь. Дверь за холстом паутины, паук так долго тянул лапки к запутавшейся мухе, что сам засох. В стайке у всего свои формы существования: известь в ведре окаменела, а картошка хочет расти, ржавчина накинута на грабли, как будто они в чем-то виноваты, старая шуба бросается в моль собственным мехом, ботулизм в банке пьет мутный рассол и закусывает огурцами. Чтобы стаечная жизнь не вырвалась, надо всадить дюжину гвоздей, утопить шляпки в трухлявом дереве. Чтобы дешево не блеснул серебряный Иисус от неожиданного света фонарика.

Так легко заговорить с Каявой, с Колей, назвать чужую бабушку просто бабушкой, даже Рите можно что-то сказать. А с Никитой очень сложно. Между нами углы и колючая проволока шиповника. И худая красивая девочка, съевшая в кафе мое подростковое счастье.

Я подглядываю за Никитой, за мной бдит Каява. Это ни черта не любовный треугольник. Каява тащит меня на игольную каторгу со словами «офигевшая чушпанка», а вечером заставляет пить из фляжки.

– На гауптическую вахту посажу! – обещает мне Каява.

– На губу, что ли? – переспрашиваю я.

– Губа у бабы. Сказал же, на гауптическую вахту!

Под его взглядом чувствую себя толстым насекомым, которое истребляют дихлофосом.

Каява не верит, что я просто хочу забрать давний должок. За эти годы такие проценты накапали! Пусть теперь Никита расплачивается серебром, я спрячу Иисуса – никакой Каява не найдет! Я тоже хочу иметь в этом городе хоть что-то ценное! То, что не чернеет от этого городского времени.

Четвертая ночь без сна. В лампочке вот-вот лопнет от накала красная нить. Чайник ворчит на кухне «зря, зря, зря». Зеркала вертят меня перед собой и бесстыже полнят. Город сдерживает солнце за многоэтажным забором. Утром быстро сунуть сережки Каяве и вместо леса бежать к Никите, поклясться кровью на цветущем шиповнике и на одном дыхании сказать всего три слова: «Я тебя знаю». И, опоздав по местному времени на час или навсегда, ничего не услышать в ответ.

Никита пробыл в городе всего пять дней. А я уже отслужила срочку. Так говорит Каява. И еще, что я дура. Я плачу и верю ему.

Капитан Каява

Если б за каждого горожанина давали бы по звезде, до какого бы звания дослужился Каява? Ответ – до капитана. Кем сюда пришел, тем и останешься. Да и вообще у него нет звезд, только их тени.

Четыре звездочки остались в серой горной пыли, которая от дождей превращается в глину. Дожди сменяло раскаленное солнце, в глине запекались танки, БТРы и люди. По глине с грохотом катились новые дни. Снова шли дожди, снова жарило солнце. В тех местах было много черепков.

Каява поделится последним куском хлеба. А пулями нет. Пули закончились, горы захлестнули каменной удавкой. И хотелось одного, чтобы быстро... Но жизнь пристала, как засохший бинт к ране. Со связанными руками не оторвешь.

Наше чушпанское бытие поделилось надвое, а у Каявы натрое: мир, война, город. Про войну рассказывает без подробностей, смачивая горло из фляжки. На его войне у городов и сел чужие названия. Названия чужие, а земля наша. Каява говорит, что после той войны это только наша земля. Я понимаю, о чем он. У капитана есть карта. На ней горы, ущелья, перевалы, долины, снова горы. На ней нерусские названия написаны русским языком. Он показывает ее мне и Коле, разгладив горы и ущелья на скамейке во дворе. На карте серые бумажные морщины, названия нескольких кишлаков стерлись, по речке плывет табачный мусор, в долине бурое пятно – траву скосили.

Я ведь знаю о той войне. Знаю, она закончилась. Каява говорит, что я глупая чушпанка и что война лишь притихла, на время. И теперь я боюсь и красных сапог, которых неясно сколько, и притихшей войны, после которой забыли посчитать рядовых, сержантов, лейтенантов... Хочется обнять Колю за плечи, угостить самой вкусной шоколадной конфетой. И хочется чуть ближе придвинуться к Каяве. У меня нет повода не доверять капитану Каяве.

Про мир Каява рассказывает и того меньше. Был женат, был сын, и кошка была, про кличку которой мне говорить не хочется. Хотя почему был? И сейчас женат, и сейчас растет сын, и даже кошка, наверное, все так же сидит на форточке и слизывает капли дождя с лунного блюдца. Просто его семья в другом городе. Как-то раз Каява скажет, что больше хотел дочку, чем пацана.

Наш капитан не позволяет себе слабостей, он смахивает с лица былые горести и радости, поправляет афганку, делится с нами тушенкой и затрещинами и ведет в нужном направлении. Мы – его нынешняя армия. Сейчас нас около тридцати. Мы маскируемся. Мы воюем сами с собой. Мы ждем. Мы ждем. Мы ждем...

Красные сапоги

Все проходит. Теперь я так четко это понимаю. И уже не боюсь. Мой знак бесконечности сжимается до восьмерки, восьмерка до нуля, ноль до точки. Точки невозврата. В ней и закончится моя именная вселенная.

Однажды я приду в лесок, увижу идеально сложенные нетронутые елочки-иглочки и услышу, как беспокойное сердце мое вдруг забьется совсем по-иному, в унисон с городским колоколом. И по голым рукам моим пробежит ноябрьская дрожь...

Это и есть конец принцессы в красных сапогах. Я решила головоломку. Каява ведь спрашивал не о сапогах. И вообще, не было никакой принцессы. Принцесса пусть останется в сказках для Коли. Была глупая толстая я. И был теплый ноябрь. И было шесть пар мужской обуви. Кеды, кроссовки, ботинки – такие разные: на одних шнурки развязались, на других кровь на носках, возле третьих воткнута лопата, четвертые – почти новые, начищенные стоят в стороне... Обувь разная, а лица одинаковые, разрубленные ухмылкой. Не помню ничего, только очередность: развязанные шнурки, коричневые ботинки, кровавые кеды, серые ботинки, белоснежные кроссовки с синей галочкой – отметились, после черных кроссовок во рту земля, и уже не страшно... Страшно, когда не понимаешь, что будет дальше. А я все поняла. Глупо цепляться за корни елок-березок, когда тебя саму вырвали с корнем...

Рядом со мной стоит капитан Каява, я говорю:

– Красные сапоги против шестерых не имели ни малейшего шанса.

На мне снова нет одежды, но теперь не стыдно. Нет никакой моей вины, что город отменил летнее время. И капитану Каяве можно доверять. Ему можно доверять.

Сережки

Я вышла из дома 12 ноября, в понедельник, в 7:30...

Меня найдут через два с половиной года. Весной, когда вырубят лес и начнут рыть котлованы под новый район. Вместо аккуратно сложенных еловых иголок вырастут дома, парковки, магазины, песочницы со следами детских ног и клумбы с живыми цветами. И обязательно с юга вернутся птицы. Не все, что улетали, но вернутся.

Капитан Каява вложит сережки в мою ладонь и скажет на прощанье: «Вольно! Молодец, чушпанка». И я уйду из Города пропавших без вести. И не обернусь.

Потускневший жемчуг вернется в мою комнату, и будут таять свечи, зажженные близкими людьми. А я направлюсь к своей точке невозврата. Мне не будет больно. Не будет страшно. Лишь спокойно.

Автор и старший сержант запаса Дмитрий К. приносят извинения капитану Игорю Каяве за бессовестное использование его честного имени, личностных черт и лексикона. Товарищ капитан, желаем Вам долгих лет и всех звезд.

Своему родному брату Алексею, ушедшему из дома 13 октября 1993 г., найденному 2 января 1994 г., посвящаю. Помню, люблю, встретимся.

Андрей Волковский Ангел

1.

Темная громада собора нависала над площадью у космопорта, словно знаменуя торжество священного над мирским. Космическая готика не зря считалась красивейшим архитек-

турным стилем новой эпохи. Башня собора высилась над небоскребами мегаполиса, возносясь выше облаков. Изящные готические пропорции, воплощенные в черном ультратитане, символизировали единство веры, хранящей человечество издревле, и прогресса, неумолимо приближающего будущее.

Однако единственный в четыре утра прохожий спешил не в храм.

Роб Валенски бросил мимолетный взгляд на здание собора и привычно восхитился: умеют же западники строить! Сколько их храмов он видел за свои без малого полвека – эти здания всегда были безупречно, почти пугающе прекрасны. Черные и геометрически совершенные, храмы Западной Церкви внушали трепет и почтение даже тем, кто был далек от религиозных ценностей.

Но храм храмом, а работа не ждет. Как всякого хорошего разоблачителя, Роба Валенски привлекали шумные дела. А что может наделать больше шума, чем известнейшие в космоне путешественники, повстречавшие ангела на маленькой планетке? На видеозаписи, правда, было только движущееся световое пятно пару метров в диаметре. Но многочисленные зрители канала «Глобальные путешествия» с восторгом смотрели запись, репостили, делились впечатлениями и даже рассуждали о богоизбранности своих любимых влогеров.

Откровенно говоря, лететь Роб не хотел: после вчерашней вечеринки гудела голова и во рту поселился мерзкий привкус – чертово венерианское вино, прости господи! Разбуженный пронзительным писком домашнего помощника Роб даже подумывал вырубить сигнал и лечь досыпать. Но до чертовой Земли Марии – колонии восточников, где и случился инцидент – рейс вылетал всего раз в неделю. И угораздило же этого «ангела» объявиться на задворках вселенной!

В космопорте было привычно людно. Большой Нью-Йорк считался точной копией того Нью-Йорка, что остался на далекой Земле. Крикливый, пронзительно-громкий и невыносимо яркий.

Из-за гомона голова разболелась сильнее, и Роб, кляня себя за непредусмотрительность, купил в аптечном автомате антипохмелин. Приклеил к запястью и тут же почувствовал себя человеком. Эх, а ведь еще совсем недавно лететь куда-то после бурной вечеринки было интересно, а не утомительно. Вот только когда это было? Год назад? Пять лет? Десять?

От мрачных размышлений Роба отвлек чей-то пристальный взгляд. Его нередко узнавали на улицах: блог «Голая правда» был известен широко и скандально. То поклонники просили автограф, то ревнители веры ругались, стыдили и даже проклинали, то рекламодатели стремились всучить что-нибудь ненужное для продвижения. Скучно. Как говаривал кто-то из великих в докосмической древности: «Все уже придумано до нас».

В этот раз на него внимательно глядела совсем молоденькая девчонка в длинной юбке. Вроде бы незнакомая. Не в его вкусе: волосы темнее и бюст меньше, чем ему нравится. Он вопросительно приподнял бровь, но она вдруг стушевалась и нырнула в толпу.

Рейс до Земли Марии был не самым популярным, так что Роб надеялся долететь в одиночестве. Надежды почти оправдались: в салоне «Астории» собралось всего пять пассажиров. Он уже успел уютно устроиться и прикрыть глаза, но тут его осторожно тронули за рукав.

– Простите, вы мистер Валенски? – робко поинтересовался приятный девичий голос.

Роб приоткрыл глаза. Увидев девушку из космопорта, он даже не удивился.

– Да. А вы кто, милочка?

Обращение ей явно пришлось не по вкусу, но она постаралась не подать виду.

– Меня зовут Тереза Янг, я из «Юниверсал Пресс». Но это не важно. Я просто хотела извиниться.

Вот так номер!

– За что же? – искренне удивился Роб.

– Я на вас гладела в космопорте. Это невежливо. Я просто не ожидала вас увидеть...

– О, так вы моя поклонница? Ничего страшного! Где вам расписаться? – он привычно вытянул ручку-стилус из крепления в рукаве.

– Что? – хлопнула длинными ресницами девушка. – Нет-нет, я вас не читаю и не смотрю. Просто проходили вас в Академии Слова. На курсе «Профессиональная этика». Преподаватель разбирает неэтичное поведение на вашем примере, с цитатами и вашими фото. Я не ожидала встретить вас вживую!

Впервые за много лет Роб почувствовал себя глупо. Интересная девица! То ли так наивна, то ли так беспардонна – сразу и не поймешь, а Роб за годы общения с самыми разными людьми привык распознавать собеседников с первого взгляда. Ну максимум со второго.

– Ну что ж, раз вы обо мне так много знаете, то будет правильно, если и я о вас кое-что узнаю, – усмехнулся Роб, пряча ручку. – Вы наверняка спешите по приказу редакции ловить очередного крылатика на Марии?

Прозвучало даже пошлее, чем он сам хотел. Тереза, однако, двусмысленности не уловила:

– Вы про ангела? Да, я так рада, что мое первое задание – именно такое! Истинная божественная благодать... – лицо ее озарила улыбка, и она благоговейно перекрестилась.

– Милочка, – фыркнул Роб, – вы что же, правда верите в эту чушь? Если вы действительно учились в Академии Слова, то должны знать, что примерно раз в неделю в каком-нибудь уголке вселенной являются ангелы, пророки, святые, знамения и прочее, и прочее. Доказанных чудес за все четыреста лет освоения космоса было всего восемь.

– А это будет девятым! – непонятно чему обрадовалась Тереза. – Должно же быть настоящее! Мне нравится в это верить.

Все-таки наивная. Или фанатичка. Неизвестно даже, что хуже.

– Ну что же в нем настоящего, милочка?

Роб нажал на кнопку в подлокотнике кресла, вызывая виртуальное окно. Вывел на экран с десятков статей, посвященных событиям на Марии.

– Вы посмотрите: прямо-таки хрестоматийная история! Явился, воскресил, исцелил, велел жить в мире и удалился. Примечательно только то, что ради разнообразия ангел небесный явился не паломникам или клирикам, а популярным влогерам.

Трое знаменитых путешественников, супруги Гровер и их помощник Ньютон, – бессменные ведущие канала «Глобальные путешествия» – выбрали для обзора Землю Марии с ее обильной флорой и безопасной фауной.

– Вот смотрите. Все как надо: бедные путники заблудились – а все потому, что нечего полагаться на отсталой аграрной планетке на виртуальные карты и навигационные системы версии 4.0!

Роб вывел на экран панорамы Марии. Зеленые, живописные и совершенно дикие.

– Плутали несколько часов. Связи нет. Людей нет. Цивилизация далеко. Да и какая на Марии цивилизация? Словом, естественно, устали и оголодали до чертиков, – он усмехнулся своему каламбуру.

Тереза упрямо возразила:

– Но это не объясняет того, что с ними случилось. Вот, видите, что пишет миссис Гровер: ее муж упал в овраг и сломал шею. Он был мертв, понимаете?

Глаза девушки наполняла такая детская вера в чудо, что Робу стало смешно и немного стыдно. Но журналистика – не место для веры: все чудеса здесь творятся людьми на потеху публике.

– Она просто испугалась за мужа. Верю, что он получил серьезные повреждения. Но ведь у него, как у всякого современного человека, с собой ER-пак.

– Вот здесь написано: показатели личного сканера у мистера Гробера зафиксировали клиническую смерть!

– Значит, повредил сканер при падении, – пожал плечами Роб. – Такое случается. Редко – да, но случается. А потом на крики безутешной мадам Гробер к ним явился загадочный незнакомец. Возложил руки на покойника, запахло ладаном, вокруг разлился неземной свет – и вот вам, пожалуйста, новый Лазарь!

Судя по отчету Ньютона, заснявшего чудо воскрешения, потом незнакомец указал им дорогу, и через двадцать минут «Лазарь» и его воодушевленные спутники оказались в городке.

– Видимо, Гробер сильно ударился головой, – подытожил Роб. – Насколько я помню, повреждение височной доли вызывает галлюцинации на религиозную тему.

– Но как же его жена и ассистент, они ведь тоже видели ангела?

– Они видели какого-то человека, который помог Гроберу и указал им путь к добрым людям. Добрый самаритянин – да, ангел – вряд ли.

– А видео?

– Техническая неполадка. Или монтаж. Или оптическая иллюзия.

Тереза помолчала немного и шепотом спросила:

– А вы ни на минуту не допускаете, что это и правда чудо?

– Дорогая моя, чудеса, конечно, бывали, – он небрежно пожал плечами. – Но все – когда-то очень давно. «Бог устал нас любить», как говаривали задолго до нас. Полагаю, сейчас Господь на заслуженном отдыхе. В общем, милочка, как видите: ничего нового или даже сколь-нибудь оригинального. Старо как мир.

Он свернул виртуальные окна и откинулся в кресло, желая только одного – закурить. Но делать это в полете строго запрещалось. Тереза замолчала, погрузившись в изучение каких-то записей на виртуальном экране.

2.

В тесной келье на пятьдесят третьем этаже башни Монастыря Святого Иосифа брат Адальгар и теософ Павел вкушали «кровь христову» уже четвертый час.

– Да конечно нет там никакого ангела! – пьяно горячился Павел. – Но так и не в нем же дело! Просто прояви христианское смирение, слетай, напиши отчет, и все дела. Ты уже сколько в архиве пылишься? Полгода? Больше?

– Семь месяцев и двенадцать дней, – отозвался брат Адальгар, по которому и не заметно было, что он нетрезв.

– Вот! – Павел кивнул так рьяно, что чуть не упал, но вовремя вернул себя на стул. – Хватит! Покажи начальству, что ты смиренный и послушный, что тебя можно возвратить! И возвратят! Получишь обратно инквизиторские полномочия и печать.

Адальгара сняли с оперативной работы и сослали в архив после допроса Якова Люцифера, знаменитого пирата. Тот был не только дьяволопоклонником, как и большая часть пиратов, но и садистом, каннибалом и работорговцем. Люцифер не желал сознаваться, куда спрятал корабль с живым грузом – двумя десятками девственниц, похищенных для ритуалов. После допроса Адальгара пират раскололся. Но клирику вменили превышение полномочий и грех гнева. От публичного покаяния Адальгар отказался – получил в довесок обвинение в грехе гордыни. И оказался в архиве среди древних манускриптов и почти таких же древних старцев.

Конечно, проверка, о которой говорит Павел, – формальность, не больше. Не может настоящий ангел, даже если он и оказался бы чудесным образом в мире людей, жить среди восточников.

Церковный раскол произошел еще на Земле, одиннадцать веков назад. Западная Церковь сделала ставку на развитие науки и техники: мол, раз Господь даровал человеку разум и свободу воли, то нужно во славу Его одолевать болезни, покорять космос и строить величественные храмы. А Восточная уповала на единство человека с природой и обвиняла западников в гордыне, стяжательстве и вмешательстве в дела Господни. Западники в ответ уличали восточников в праздности и заигрывании с язычеством.

Мать-церковь считала своим долгом реагировать на все сообщения об ангелах, знамениях, пророках или дьявольских проделках. И то, что в такую глушь отправили не рядового служителя, а инквизитора третьего разряда (пусть и с приостановленными полномочиями), говорило, с одной стороны, о том, что у этого инквизитора крупные неприятности. А с другой – что эти неприятности вот-вот закончатся.

Рейсовый лайнер вылетал из порта в пять утра, но у храма свои корабли. Более совершенные и быстрые, чем у мирян. Потому брат Адальгар со спокойной душой отправился в путь после дневной псалмодии.

3.

Тереза тронула задремавшего было Роба за рукав:

– Простите, что беспокою, но я ведь готовилась к этому заданию, мистер Валенски...

– Роб, – непререкаемо перебил он.

– Хорошо... Роб... посмотрите: вот результаты обследования мистера Гробера после воскрешения.

Она развернула вирт-окно у его кресла и вывела на экран документы.

– Тут отмечено, что у него чудесным образом исчезли следы от пережитой в детстве марсианской волчанки. Все зубы как новенькие, хотя он потерял два зуба во время инцидента на Амазонке-8 в прошлом году. А еще вот: снизились показатели холестерина и прошел остеохондроз.

Роб заглянул в выведенный на экран документ со слабым интересом.

– Но милочка, все это можно организовать за деньги.

– Я понимаю, но зачем мистер и миссис Гробер стали бы это делать?

Она уставилась на Роба своими огромными серо-зелеными глазами.

Валенски демонстративно фыркнул, но про себя похвалил ее дотошность. Гроберы не были мифоделами. Он ксенозоолог, она ботаник – серьезные исследователи, способные в увлекательной форме донести до праздной публики полезную информацию. Он потому и поехал, что миф, созданный учеными, – это само по себе интересно.

4.

Брат Адальгар спал тревожно. Снова и снова в темном мареве сна расцветали ослепительные вспышки взрывов, потом огненный шар истончался, и сияющая пелена расстилалась двумя огромными крыльями, а человек пытался проснуться – и не мог.

Когда же брат Адальгар наконец открыл глаза, сердце его билось неистово, а все тело покрыл липкий пот.

Система контроля шаттла прислала оповещение о значительном выбросе адреналина и запрос на введение успокоительного. Адальгар отмахнулся от вирт-окна, отклоняя запрос.

Непонятный страх уже уходил, уступая здравому смыслу и легкому недоумению. Клирик сжал четки, дарованные самим епископом перед отправкой на Землю Марии. Встал с ложа, опустил на колени и принялся молиться.

5.

В порту Иридии – крупном перевалочном пункте с тремя мощными порталами – была пробка. Огромное количество кораблей всех размеров и форм зависло вокруг планеты.

Роб развернул местную новостную ленту. Оказалось, что несколько часов назад на один из торговых кораблей в окрестностях Иридии напали пираты.

– С вами все в порядке? – участливо поинтересовалась Тереза.

Роб чертыхнулся про себя: неужели совсем разучился держать лицо?

Он ненавидел пиратов. Ненавидел с того далекого дня, когда учтивый дознаватель принес печальное известие о взрыве пиратами «Благовеста», на котором к юному Робу возвращалась из поездки к родителям невеста. С тех пор он был женат четырежды и даже обзавелся детьми, но что-то, видно, умерло в нем тогда вместе с Грэйс, потому что больше он никого никогда не любил.

В общем, да, пиратов он переносить не мог, но неужели это так бросается в глаза?

Тереза смотрела на него обеспокоенно и почему-то слегка виновато. Он вдруг подумал: сколько ей лет? Двадцать? Двадцать пять? Она еще совсем молоденькая – сейчас, когда средняя продолжительность жизни достигла ста двадцати лет, юность заканчивается в сорок. Если, конечно, не приходится взрослеть до срока.

– Да бесит меня, что из-за каких-то ублюдков мы тут застряли!

Уважаемым пассажирам уже предложили высадиться и насладиться отдыхом, ибо непредвиденная остановка затянется самое меньшее на сутки, пока ведутся оперативные мероприятия. На малые суда задержка не распространялась, но «Астория» была судном транспортно-пассажирским и формально относилась к средним.

Роб вскочил, вытянул из-под кресла свой тощий рюкзак.

– Вы как хотите, милочка, а я пойду поищу попутку. А не то, пока мы долетим до Марии, наша новость не просто состарится, а иссохнет до мошей!

– Я с вами! – пискнула Тереза. – Подождите!

6.

Пираты поклонялись Падшему. Увы, у дьяволопоклонников не было своей планеты, базы, где их можно было бы накрыть одним мощным ударом. Не было даже единого культа. Каждый капитан на своем корабле сам выбирал, как именно чтить Падшего. И самым действенным способом были человеческие жертвоприношения. Добиться милости темного покровителя можно было и жестокими извращениями, и изощренным чревоугодием, но проще и надежнее было убивать людей во славу господина. И потому Церковь боролась с пиратством всеми возможными способами.

...Когда крейсер «Крестоносец» с братом Адальгаром на борту очутился возле Иридии, местная церковь затребовала помощи в поисках пиратов.

– Брат Адальгар, епископу нужна помощь, – почтительно сообщил капитан. – Как только мы разберемся с богомерзкими пиратами, мы тут же продолжим наш путь!

Адальгар стиснул четки, намотанные на левое запястье. Неуместная задержка! Пираты никого не похитили, и если уж им удалось скрыться сразу, у флота Иридии практически нет шансов их найти.

В обмен на кровавые жертвы Падший давал своим последователям Удачу. Вражеские снаряды пролетали мимо цели, а редкие попадания ограничивались царапинами. У противников выходило из строя оборудование, отказывали системы слежения и наведения, сбило все, что вообще могло дать сбой. Благословление защищало церковные корабли от дьявольского невезения, но не помогало отыскать затерявшихся в космосе пиратов. Местный епископ просто хочет соблюсти все правила. Буквоедство и формализм всегда выводили Адальгара из себя.

Его дурное настроение объяснялось не только этим: тягостные сны, наполненные взрывами и выматывающим ощущением беспомощности, не давали Адальгару покоя. Провидческим даром он не обладал, но в вещие сны верил, как и в знамения. Что-то вело его туда, к Земле Марии. И кто он такой, чтобы спорить с высшими силами?

Адальгар отвернулся к панорамному экрану, на котором отображалась Иридия: муравейники городов, величественные башни Западной Церкви и живописные сады Восточной, где за густыми деревьями почти не видно приземистых зданий.

Нет, не сюда ему нужно. Он не поворачиваясь бросил капитану:

– Я возьму катер и продолжу путь.

– Но брат, это опасно! Системы катера не способны рассчитать все варианты выхода из портала...

– Все в руках Господа, – перебил Адальгар. – На Его волю уповаю.

7.

Роб Валенски направился в бар. Тереза в бар не хотела, но отставать от спутника в незнакомом городе было страшновато, так что пришлось и ей спуститься в «Подвальчик дядюшки Джо».

Роб заказал никотиновый коктейль и стейк с кровью, а Тереза ограничилась салатом и чаем. Перед трапезой она помолилась и, перекрестившись, склонила голову. Роб невольно прислушался: не латынь. Значит, она из восточных. Можно похвалить ее редактора: отправить на Марию не представительницу противоположного религиозного лагеря, а сестру по вере – хорошая идея. Вероятно, к ней в колонии отнесутся с доверием. Что ж, значит, надо держать девчонку к себе поближе, поскольку сам Роб не слишком хорошо находил общий язык с верующими.

Фанаты «Голой правды» нашлись и здесь: знаменитого блогера тут же окружили шумные поклонники. Его вниманием безраздельно завладела роскошная особа, у которой все было так, как ему нравится: платиновые локоны, бюст аппетитного третьего размера и умопомрачительные ноги.

Тереза доела салат и незаметно пересела за соседний столик: за их с Робом столом стало нестерпимо тесно. Распутство Роба ее почти не задело: в конце концов, Господь всем своим детям даровал свободу воли. Но вот когда кто-то попытался погладить ее по коленке, Тереза не выдержала.

Она уже начала прикидывать, не пойти ли в квартал единоверцев. Но оставлять Роба не хотелось: а вдруг он улетит без нее? Тереза впервые оказалась так далеко от дома. Большой мир был ей в новинку. И, откровенно говоря, очень утомлял. Здесь, как и говорила воспитавшая ее бабушка, оказалось шумно, суетно и праздно. А еще страшно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.